Türk Resmi üzerine
Yutkevic

ПИСЬМО К ТУРЕЦКИМ ХУДОЖНИКАМ

С.ЮТКЕВИЧ

Москва, 24/П 1934 г.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот уже 2 месяца как я покинул Стамбул.

Я уезжал из него в холодный дождливый вечер. Карабкаясь по мокрому скользкому пароходному трапу, под полой пальто я прятал от осеннего дождика драгоценный отныне для меня сверток, завернутый в бумагу.

В этом рулоне хранились ваши работы, которые я увозил в свою страну. В нем хранился кусочек новой культуры, новой Турции.

Этот сверток был для меня вдвойне драгоценен еще и потому, что когда осенью, сойдя в первый раз на берега новой Турции, я спросил у одного из наших "общих знакомых", чиновника, приставленного к вашей музе, о том, где я мог бы разыскать художников новой Турции и посмотреть их произведения, он вежливо и равнодушно ответил, что живописи, по существу, в Турции нет, а то, что есть, - мало интересно.

Я горько вздохнул тогда, получив ответ от моего спутника... Мой глаз живописца и кинематографиста еще в Стамбуле на каждом шагу находил пищу для образов, которые должны были бы найти свое отражение на бумаге, холсте, или целлулоиде. А когда через несколько дней я выглянул из окна анатолийского экспресса, увозившего меня в Анкару, недоумение и горечь захлестнули меня еще сильнее.

Напечатана в журнале "Искусство" № 2, 1934 г. Москва.

Я прожил в Анатолии три месяца. Как мог, я знакомился с этим пленившим меня краем. Я колесил по окрестным деревням. На мою долю выпало счастье видеть ту радость, с которой праздновали вы IO-летие основания вашей республики.

В эти дни проехал я через всю страну от Анкары до Смирны и, через Дарданеллы и Стамбул, вновь вернулся к трудовым будням Анкары.

И за все это время моих поездок, прогулок и путешествий вставал передо мной и открывался во всех своих контрастирующих обличиях суровый и мужественный образ новой страны.

Пейзаж... Он незабываем этот анатолийский пейзаж. Он своеобразен и неповторим. В нем нет никаких красот, любезных сердцу скучающих туристов. В строгих и мужественных линиях Анатолийского плоскогорья нет олеографической красивости, но есть подлинная красота. Анатолийская земля мускулиста и шершава, как рука крестьянина. Когда стоишь на холме и озираешься вокруг на ее беспредельные ритмические волнистые очертания, сжимается сердце в груди и захватывает дыхание от этого сурового пафоса почти первобытной земли.

Кругом тишина... Как бы испещренная тысячелетними морщинами, обращена ладонь долины к небу, такому голубому, такому прозрачному, какое можно найти только здесь, в центре Азии.

Тени редких облаков медленно плывут по бледножелтым холмам. Издали кажется, что это голубые озера.

Время смещается, и вам кажется, что вы ничуть не удивитесь, если проходящий внизу караван окажется лишь авангардом огромной армии Тимура; или если заблестят вдали доспехи римских легионов.

И совсем не неожиданным покажется появление на скалистом

холме двух силуэтов - тощего Россинанта и приземистого мула, с восседающими на них рыцарем печального образа и его верным оруженосцем.

Мне почему-то показалось, что Испания Сервантеса была такой же мужественной, строгой и печальной землей.

Анатолийская деревня. Тут должен был умереть от зависти родоначальник французского кубизма Дерэн. Насколько богаче всех кубистических полотен всего мира этот строго слаженный и вместе с тем прихотливый, архитектурный узор анатолийской деревни.

Но самое интересное, конечно, - люди. Их труд, их быт, их лица.

Какое наверное, грубое и упрощенное представление имели мы хотя бы о внешнем облике турецкого народа. Немногочисленные гравюрки и зарисовки заезжих путешественников, быстро перекочевавшие потом на лубочные, "ориентальные" украшения и папиросные коробки, доносили до нас какую-то неправдоподобную карикатуру стандартных брюнетистых и горбоносых османов.

Разнообразно и многогранно, как и все в природе, обличие турецкого народа. Вот они, молодые крестьяне - голубоглазые блондины, так резко нарушающие наше лубочное представление о красавцах с табачной рекламы. Вот оно, открытое, обоженное анатолийским солнцем и горным ветром лицо крестьянки, одной из числа тех, кто самоотверженно и героически, рука об руку с мужьями, братьями и сыновьями дрались с наемниками и интервентами за свою свободу, за свою независимость. Как не похоже оно, это лицо, на "восточных красавиц", кокетливо поглядывающих на вас из-за чадры своими миндалевидными глазами с конфетных коробок и иллюстраций стиля "ориенталь".

Вот оно молодое поколение юношей и девушек в студенческих

беретах, гимнастических каскетках, спортивных кепи и скаутских войлочных шляпах.

Вот она армия, - молодое крестьянство, аскеры в грубоватом сером "хакки" цвета анатолийской пыли и земли.

Вот оно - старое офицерство, испытанные кадры кемалистской армии, бронзовые от загара, седые генералы и полковники; вот оно молодое офицерство в серостальных щеголеватых шинелях, в ярко начищенных и блестящих на солнце, как зеркало, щеголеватых сапожках.

Вот они чиновники, депутаты, уличные ораторы, купцы, журналисты и писатели, смешивающиеся в одной пестрой толпе на асфальтированных улицах Анкары, столицы, которую воздвигла республика.

Вот она, сама Анкара. Поистине "чудо в пустыне". Из маленького азиатского городка вырос своеобразный и культурный город.

Но об Анкаре надо писать особо. Он ждет, он требует своего отражения - этот новый город, символ новой Турции, эта новая Мекка современного Востока. Моя посильная дань - это фильма об этом городе.

И тут я должен вас разочаровать, друзья мои. Побывав в Анкаре, я разлюбил Стамбул. Я, правда, не успел полюбить его как следует. Для этого я слишком мало пробыл еще в нем, но во время моих странствий по его закоулкам, странствий, правда, сначала ограниченных традиционным маршрутом туриста, мне все же показалось, что я смогу полюбить его.

Но меня пленяло только прошлое. Я останавливался в изумлении перед золотыми росчерками арабских цитат из Корана на грандиозных зелено-изумрудных щитах Айя-Софии; перед традиционными, но все же великолепными вертикалями минаретов Султана Ахмета.

Я с аппетитом ел кябаб в тихом кафе на Университетской

площади, щелкал лейкой живописных старцев под сводами Сулеймании, катался на лодочке в подземном бассейне, почтительно рассматривал узоры старинных решеток; бродил по лабиринтам Персидского базара, с трудом освобождаясь от назойливых торговцев поддельной стариной.

Словом, я проделал весь традиционный путь, проделанный до меня миллионами путешественников, но он не удовлетворил меня, ибо для него не нужно было приезжать в Турцию в 1933 году.

"Улицей Независимости" называется теперь Гран-рю де Пера. Да, конечно, она называется так не зря. Давно миновали, к счастью, те времена, когда Пера кишела мундирами чужестранных солдат, офицеров и матросов. Не успевшие протрезвиться от берегового "веселья", смылись "победители", сметенные железной рукой досель неизвестного генерала, и улицы зажили трудовыми буднями, деловой сутолокой торгового центра.

Но все же он слишком космополитичен, этот трудовой день делового города.

Уже нет пышных кабаков, превращавших Стамбул в "маленький Париж", но все еще грязны отлогие улички, ведущие вниз от главной магистрали; нет радующей глаз туристов экзотической пестроты фесок, но все же слишком утрированы и окарикатурены силуэты плеч модных пиджаков; открыты лица женщин, но маска парижской косметики вновь скрывает их подлинные живые черты.

Шумит улица - простуженно лают такси, тэтовскими брильянтами сверкают огни реклам; из ярко освещенных подворотен кино, хрипло выкрикивают "румбы" бесчисленные патефоны; с трамваями соревнуются пронзительные звонки из сигарных и газетных ларьков.

Но мне вспоминается строфа Маяковского:

"... Улица корчится безъязыкая,
Ей нечем кричать и разговаривать..."

"Город, который потерял свой голос" - так окрестил Стамбул один из лучших турецких поэтов Назым Хикмет. Он прав. В этой разноголосице город потерял с в о й голос. Трудно расслышать голос новой Турции в сутолоке Стамбула.

Я встретился с вами, мои друзья, здесь, на улице Независимости, в доме, где живет наш общий друг Фикрет Адиль. Я познакомился с ним во время нашей поездки с делегацией, которую он сопровождал от Анатолийского телеграфного агентства.

Он был весел, добр и жизнерадостен, какими всегда бывают настоящие журналисты на работе. Но когда запой работ проходит,когда работы становится немного, или совсем нет, то Фикрет Адиль заболевает. Вы все, друзья мои, подтруниваете над его болезнью. Вы приписываете их его мнительности. Ну что же, да здравствует мнительность Фикрета, ибо благодаря ей я познакомился с вами.

Фикрет Адиль заболел, и я направился навестить его. Он живет на улице Независимости, но чтобы попасть к нему, нужно пройти сквозь большой дом, через палисадник и взобраться на пятый этаж узенького дома, нависшего над самой Галатой. Этот домик из числа тех, которых так много в этой части города и которые производят впечатление пародии на маленький Нью-Йорк, когда подъезжаешь с Босфора.

Земельные участки дороги, дома строятся высокие, но узенькие. Это небоскребы в миниатюре. На самом верху такого небоскребика, в уютной мансарде хворал Фикрет Адиль. С балкона его дома, открывается потрясающий вид на Золотой Рог, Стамбул, Скутари; вдали виднеется Мраморное море и поразительные по ритмичности силуэты Принцевых островов.

Но не панорама города поразила меня в первый момент.

На аскетически-белых, строгих стенах комнаты журналиста

единственным украшением были рисунки. Я почувствовал себя, как Христофор Колумб, когда моряк с мачты в первый раз крикнул - "земля!"

Фикрет Адиль залез в свое "депо", - шкафчик в стене,- и вот на полу передо мною замелькали листы: гравюры, рисунки, акварели; произошло то, чего я так долго ожидал, - мое открытие искусства новой Турции.

Я не соврал, мои дорогие друзья; не любезностью заезжего гостя было мое признание вам всем, собравшимся вместе на следующий день для беседы, мое признание в том, что это один из самых радостных дней моего пребывания в Турции, ибо я, наконец, встретил своих собратьев, людей настоящего искусства.

Что же поразило и обрадовало меня прежде всего? Уровень художественной культуры. В стране, в которой еще недавно человеческое изображение изгонялось, считалось постыдным, вы в несколько лет наверстали расстояние, отделявшее вас от стран с богатой изобразительной культурой; вы сделались из слепых зрячими; вы приобрели настоящую художественную культуру глаза. I/

I/ Первая художественная выставка республиканского времени была открыта в 1923 г. На ней было экспонировано 240 полотен, из них критика тогда выделила работы: Руха-Бея "Утро 26 августа 1922 года", Сали-бея "У подножия горы Кешиш" и портрет Гюзан-Заным, работы Фехиман-бея.

В дальнейшем в 1924 году была открыта выставка "Общества новой живописи",где можно было отметить уже ряд тематических картин с национальным характером, откликающихся на важные события национально-освободительной борьбы республиканской Турции.Таковы "Греческие пленники проходят перед Национальным собранием" художника Челы Ибрагима, "Набег иррегулярной кавалерии на Афионакаракисар" его же, "Перевоз снарядов в анатолийскую войну" работы Сали-бея. В 1925 году снова была выставка. Печать,однако,

Второе - несомненная талантливость. Острая, настоящая талантливость, которая всегда отличает художника от ремесленника, даже тогда, когда они оба принадлежат к одной и той же школе нивеллирующего беспредметного жонглерства, в которое превратился нынешний декоративный парижский кубизм.

Третье - работоспособность, творческая жадность, та неутомимость и потенция, которая может быть и должна быть у художников молодой страны.

Четвертое - разнообразие. Я увидел, как вы пробовали силы в разных отраслях изобразительности: акварель, графика, рисунок, гравюра, плакат, карикатура, набросок модного платья и книжная иллюстрация - все это сменялось одно за другим в этом своеобразном вернисаже на полу маленькой комнаты.

Я искренне поздравлял вас - передо мной были мастера. Позже из вороха разнообразных увражей стали вырисовываться для меня индивидуальные лица авторов. Я стал знакомиться с вами уже с каждым в отдельности, с художественным почерком каждого из вас. Я пожал руку каждому из вас, я говорил, спорил с вами. Позднее

упрекала художников в том, что они не делают ничего нового, довольствуясь перепевами. Одним словом почти каждый год в дальнейшем давал свою художественную выставку. С особым оживлением прошла выставка 1931 года, вызвавшая дискуссии и много критических статей по художественным вопросам. Кроме того и отдельные мастера устраивали в 1932-33 гг. индивидуальный показ своих работ. Нарождается молодая армия турецких художников, из которых значительная часть получила свое художественное образование в западной Европе - Халиев Ибраим, Зюхтю, Хамид, Неджет, Зеки Фанк и др. 1933 год - десятая годовщина Турецкой республики - открытая выставкой работ, оставшихся после смерти художника Али Рыза. Выставка состояла из 200 рисунков и набросков, за ней была организована индивидуальная выставка работ Хамид Неждада.

Фикрет Адиль, ставший для меня вашим Гильом Аполлинером, передал мне ваши биографии, и вы разрешите теперь мне говорить о вас таких, какими я вижу вас сейчас отсюда, из далекой заснеженной Москвы. Первым я вижу вас, Абидин Дино.

Представим слово вашему биографу.Вот что он пишет о вас:

"Родился в 1913 году. Происходит из старинной знатнейшей фамилии Оттоманской империи. Дед - Абидин-паша - был известен как литератор. Семья состоит из четырех братьев. Из них трое - художники. Самый старший - Ариф /мы еще встретимся с ним/,средний Али - работает в Греции карикатуристом в журналах, самый младший - Абидин. Развивался совершенно самостоятельно, не учился ни в каких академиях. Сильное тяготение к абстракции,большой мастер линии. Входит в группировку художников группы "Д".

Итак, вам всего 22 года и вы нигде не учились.

Но откуда же у вас такая линейная изощренность, такая точность рисунка, по выразительности и лаконичности соприкасающаяся иногда с таким непревзойденным мастером, как Хокусаи?

Я вижу, как вы вбегаете в мою комнату, как всегда немного всклокоченный, как всегда без шляпы /ведь это ваша небольшая фронда против щеголеватых франтов с Гран-рю де Пера/, немного угловатый и порывистый. Вы вытаскиваете своими большими узловатыми руками маленькую ампулу с жидкой тушью и тут же, обмакнув в нее кисточку /которую вы носите вместо стило/, начинаете водить ею по обрывкам бумаги.

Линия, ритм ее спиралеобразных вращений - ритм вашего дыхания, ритм пульса, ритм сердца. Он обязателен, физиологичен. Вам нужно беспрестанно рисовать, как нужно есть, пить, спать,любить.

Вы неукротимы в вашем желании творить; вы выбегаете из комнаты, из кафе, из кино и за вами всюду летят маленькие клочки

бумаги со следами китайской туши. Вы оставляете повсюду следы вашей нетерпеливой руки, вы щедро разбрасываете блестящие маленькие черновики ваших, еще не созданных больших шедевров.

Вы рисуете на чем попало, потом комкаете эти случайные клочки бумаги, рассовываете их по карманам, забываете на столах, стульях, кроватях, выбрасываете их в сточные канавы, в корзины для бумаг; вы как будто отмахиваетесь от окружающих вас образов, как от надоедливых мух, но они вновь облепляют вас, и вы вновь рисуете, рисуете без конца. Рисуете с такой же жадностью, с какой глотает холодную воду истомившийся путник.

Вы требовательны к себе. Из сотни рисунков вы стараетесь уничтожить 99 - и это правильно.

Но еще правильнее поступает ваш друг Фикрет, который украдкой подбирает некоторые уцелевшие из них: - среди них есть подлинные шедевры.

Вдохновение налетает на вас, как циклон. Оно закручивает, взвинчивает вас и, тогда ваши большие /почему-то кажущиеся мне ромбовидными/ глаза, черные, как китайская тушь, начинают блестеть еще сильнее, и еще лихорадочнее движется кисточка. И тогда рисунки, наброски, кроки, складываются в циклы.

Я знаю два: цикл "пальцев" и цикл "о гашише". Первый - это пальцы, сошедшие с ума. Пальцы, оторвавшиеся от рук. Не кисти, не руки, аименно пальцы и только пальцы. Они сплетаются в самых странных фантасмагорических комбинациях.

Есть что-то очень притягательное и чрезвычайно реалистически-убедительное в этой озорной неправдоподобности. Пальцы Абидина также убедительно разгуливают, как прогуливался по Невскому сбежавший нос майора Ковалева. Мне кажется, что Абидин мог бы быть прекрасным иллюстратором Гоголя.

Второй цикл вы окрестили "кошмарами гашиша". Линия становится судорожной, зигзагообразной и расплывчатой. Деформируются люди, вещи; гашишные трубки множатся, растут, вырастают до чудовищных размеров и становятся похожими на страшные снаряды,которые посылали марсиане на землю в романах Уэллса.

Из белого тумана бумаги выплывают чьи-то судорожно скрюченные, молящие о пощаде руки...

Стеклянеют глаза, запрокидываются головы у застывших в трансе курильщиков...

В дыму гашиша расплываются фигуры уже не людей, а каких-то человекообразных...

И так странно видеть рядом с этими листами большой картон, на котором возникает в нежнорозовой пастельной дымке портрет женщины, почти, мадонны. Это тоже видение, но видение легкое, прозрачное, может быть возникшее от встречи с мастерами итальянских примитивов.

А рядом опять искаженные лица женщин, пары за столиками,пошатнувшимися и летящими в какое-то ничто. Таким видится мир смертельно пьяному человеку, когда он, возвратившись домой, падает навзничь на свою постель.

Затем вдруг линия становится уверенной, злой и трезвой.Так бывает, когда протрезвеет внезапно человек от нанесенной ему в пьяном угаре обиды. И тогда возникает "Чистильщик сапог" - один из лучших листов Абидина Дино о современном Стамбуле.

Здесь я хотел возобновить наш с вами спор о...

Но неожиданно врывается в нашу беседу задорный Фикрет Муалла.

Его, как всегда, ласково отстраняет хозяин квартиры:

"Родился в 1909 году. Отец чиновник. Ввиду частых споров,

живут врозь. Учился и работал в Мюнхене, Берлине и Париже. Выставлялся за границей с большим успехом. Не входит ни в какую художественную организацию".

Маленький Фикрет так же щедр и разнообразен, как и Дино, но он гораздо более беспечен и легкомыслен.

В переулки старенького Стамбула /которые он любит изображать с такой же лирической теплотой, которую я встречал лишь на холстах Утрилло/ он занес повадки парижского гамэна. На его всегда ярких /недаром он часто пользуется анилином/ рисунках беспечно куралесят веселые акробатки, поблескивает мишура цирковых наездниц - видно, близка ему эта карусельная пестрота.

Зато в набросках обнаженных фигур проступает рука зрелого и уверенного мастера, не зря прошедшего через искус вековых художественных культур.

Рядом с ним образцом рассудительности и сдержанности возникает Муниф Феким. Его тонкие акварели, отделанные и отточенные до конца, явно предназначены для книги. Опытный глаз разглядит в них следы прилежного изучения персидских миниатюр.

Вот что сообщает о нем гостеприимный хозяин:

"Родился в I899 году. Его отец был первым турецким актером, который во время султанского режима создал турецкий театр. Развивался как художник самостоятельно. Любит карикатуру, декорацию и книгу. Его сестра тоже художница, занимающаяся иллюстрациями".

В противовес Муниф Фехиму, занимающему как бы "правый" фланг, на "левом" возникает живописец, организатор и "метр" Нурулла Джемаль.

"Родился в I904 году, работал в Академии искусств в Стамбуле, затем в Академии искусств в Париже и в ателье Эрнеста Лорана.

Во время вторичного пребывания во Франции занимался в мастерской Фернана Леже. Выставлялся в Париже, Вене, Стамбуле. Основатель Общества независимых турок, активный член группы "Д" /группировка авангарда/. Считает, что: "п р о и з в е д е н и е и с к у с с т в а е с т ь р е з у л ь т а т р а з у м н о г о м ы ш л е н и я, в ы р а ж е н н о г о п л а с т и ч е с к и. В и с к у с с т в е н е т м е с т а н и с л у ч а й н о с т и, н и и м п р о в и з а ц и и".

Так же, как и в жизни, выделяется Нурулла Джемаль своей корректностью, тщательно и... со вкусом подобранным костюмом /он одет просто, но элегантно/. Он отличен от своей несколько богемски безалаберной компании. В работах своих он математичен, последователен, логичен и вежлив. Вежлив настолько, что позволяет не скрывать плотно и тяжело осевшим в его рисунках тумбообразным красавицам своего явно незаконного происхождения от современной итальянской школы "неоклассицизма", пришедшего на смену футуризму.

Организаторская роль и дисциплинирующая культура Нурулла Джемаля имеют большое значение в развитии художественной жизни новой Турции.

Он объединил разрозненные доселе художественные силы и создал "Общество независимых", выставки которого являются средоточием всей нарождающейся живописной культуры.

Не удовлетворившись этим, он стал во главе авангардистской группы "Д", недавно устроившей свою выставку рисунков.

Дорогой Нурулла Джемаль! Каким непонятливым, наверное, показался я вам, когда мы вели наши теоретические споры.

Я говорил о революции, об ее тематике, об идейной направленности художника, о его целеустремленности, как о первых

качествах, которые присущи каждому художнику, особенно если он, как и вы, мечтает о новом ренессансе. Вы вежливо соглашались со мной, но немедленно вносили поправку о том, что революция выражается, главным образом, в форме, о том, что и яблоко, и бутылку можно изобразить "революционно" и "реакционно".

Я так же любезно поддакивал вам, но все так же с неумолимым упрямством отстаивал свою правоту, все так же возвращался к проблеме тематики, сюжетности, мировоззрения.

Я сознаю, что для вас, привыкшего вести изысканные споры о фактуре в парижских ателье, моя методология казалась "сковывающей". Но все же я не боюсь признаться вам, дорогой друг, что прав был я.

Скажу даже больше: не споры наши, а художественная практика ваша и ваших друзей, бытие ваше и работы ваши /чем больше всматриваюсь я в них, задумываюсь о них, о вас, о вашей художественной судьбе/ все больше и больше укрепляют меня на моих позициях.

Но об этом чуть позже, ведь я еще не досмотрел папку рисунков, которые протягивает мне Фикрет Адиль. Какое странное зрелище! Сотни, тысячи листков, испещренных со всех сторон легкими росчерками почти сухой кисти. Чего только на них нет! Кони,лани, птицы, похожие на людей, и люди, похожие на птиц. Какие-то причудливые арабески, которые иногда можно рассматривать даже вниз головой /так, между прочим, часто делает художник, только закончивший новый рисунок и проверяющий таким образом непосредственное воздействие его линейной и композиционной выразительности/, ибо они, теряя изобразительность, превращаются уже в орнамент.

Рядом на таких же маленьких листках, совсем в другой манере растушеванным карандашом/, возникают пейзажи пригородов и деревень. Это первые поиски настоящей стилистики турецкого пейзажа.

В этой манере, темпераментной, щедрой и судорожной, я узнаю что-то знакомое.

Я не ошибся. Это рисунки Арифа Дино, старшего брата Абидина.

"Он родился в I894 году, работал и учился в крупных европейских центрах".

Здесь любезный Фикрет Адиль, может, быть, желая доставить мне приятное, а может быть просто для того, чтобы прибавить некую "чудаковатую" черточку к биографии этого мастера, прибавил в скобках: - "изучал Карла Маркса в Женеве".

Я не успел лично познакомиться с Арифом Дино. Он считается лучшим плакатистом и, не в пример прочим, загружен работой.

Вечно занят также и Джемаль Нади. Это лучший карикатурист Турции. Он мне чрезвычайно напомнил Бориса Ефимова. Он, так же, как Ефимов, широко известен своей работой в газете. Каждый день на второй странице внизу он помещает очередную серию своих карикатур на всевозможные политические и бытовые темы, главным героем которых является созданный им образ Амаджа-бея /"дядюшки"/. Этот комический персонаж, родственный героям мультипликационных фильм, завоевал себе прочную любовь турецкой публики.

"Джемаль Нади родился в I902 году в г.Бруссе, в семье ремесленника. Развивался как художник самостоятельно. Сила Джемаль Нади заключается не только в его качествах рисовальщика, но и в том, что он сам является автором всех своих тем, т.е. своеобразным комическим и сатирическим писателем, черпающим свой юмор в народном юморе, в поговорках, пословицах, притчах и т.д.".

Дорогие друзья!

Мое письмо затянулось.

Но разрешите в конце его задать вам ряд откровенных дружеских вопросов, на которые мне хочется получить такой же друже-

ский и искренний ответ.

Я знаю, что вам работается довольно трудно. Ваши работы не нашли еще достаточного признания среди широкой публики. Никто из вас не увенчан еще лаврами. Многие даже считают вас чуть-чуть сумасшедшими. Некоторые из вас не обеспечены постоянной работой.

И я допускаю даже, что обилие рисунков и отсутствие больших живописных полотен проистекает не из программных убеждений, а часто просто из-за отсутствия денег на холст и краски. Но все эти трудности временного порядка. Гораздо более сложным кажется мне то, что вы все же как-то слишком изолированы от общей жизни страны. Мне показалось, что порой вам тяжело дышать в этой атмосфере самоизоляции.

Художнику нужен зритель. Без него он не может ни развиваться, ни расти. И вы естественно ищете его, вы устраиваете выставки, выступаете с вашими произведениями, статьями, но этого еще недостаточно.

Вероятно, в этой самоизоляции виноваты многие обстоятельства, которые в нашей стране носят полуироническое название "объективных причин".

Да, вы еще недостаточно связаны со страной; государственные учреждения, может быть, пока еще недостаточно уделяют внимания вопросам художественной пропаганды, в области которой вы могли бы сделать очень многое, но не согласитесь ли и вы, хотя бы в порядке дискуссионном, принять часть вины на самих себя.

Искусство расцветает только тогда, когда корнями своими оно крепко сидит в действительности.

Чем крепче связь художника с реальным миром, окружающим его, чем меньше у него разлад с действительностью, тем крепче, тем полнокровнее его искусство.

На перекрестке великих морских путей расположен Стамбул. Многие ветры проходят над Босфором /как будто от вечного сквозняка плещутся, толкаются в нем маленькие волны/. Чужие ветры, как ночные гуляки, посвистывают в темных переулках бывшей Гранрю де Пера.

"Город, который потерял свой голос", - так сказал о Стамбуле Назым Хикмет. Многие из ваших работ построены с "чужого голоса". Они отличаются лишь своеобразие интонаций. Разнообразие "манер", которое есть в работах каждого из вас, превращается иногда из признака многосторонней талантливости в эклектическую несамостоятельность.

Чужие ветры ворошат ваши листы и среди них не чувствую я горячего, как дыхание, живительного теплого ветра с анатолийских плоскогорий.

Я знаю, многим из вас, так же как и мне, чужда вечерняя сутолока торгашеских кварталов. И вы часто обрушиваетесь на нее со всей иронией и злобой, но еще чаще вы бежите, пытаетесь спрятаться от нее в своих мечтах и кошмарах.

Тогда рвутся последние нити, связывающие искусство с действительностью. Пальцы на рисунках Абидина Дино переплетаются в наистовых эротических комбинациях; гашишный ночной кошмар вступает в свои права...

Слишком пресными и слишком похожими на английские иллюстрации становятся веселые рисунки Муниф Фехима; сквозь беспечное импровизаторство Фикрета Муалла слишком явно проступают контуры то Ван-Донгена, то Тулуз-Лотрека, то Мари Лорансен; слишком рассудочными кажутся упражнения Нурулла Джемаля, а ядовитый "дядюшка" Джемаля Нади превращается вдруг в шамкающего безобидного старикашку.

Я говорю с вами так откровенно о ваших "болезнях" /если их можно назвать так/ только потому, что они, эти болезни, были свойственны и нам, художникам Советского союза.

Но мы осознали их. Мы стараемся лечить их радикально.

Нам кажется, что наши художники уже прекрасно понимают, чем грозит отрыв их творчества от живой действительности, в какой тупик тогда может зайти /и заходит/ их мастерство.

Художники наши /некоторые быть может с трудом - этот процесс не легкий/ изживают привычку к замыканию в скорлупу мастерских. Каждый по-совему, они восстанавливают свои связи с реальностью, они проводят свое творческое время не только в одном, двух крупных городах, но по всей стране, в растущих индустриальных центрах, в деревнях, в колхозах, в армии, в школах.

Они принимают участие в научных экспедициях, военных походах, производственных командировках, они повсюду, где строится новая жизнь, новое общество, новая страна.

"Во весь голос!" - так называется одна из лучших поэм нашего лучшего поэта Маяковского.

Работайте во весь голос. Во весь с в о й г о ло с, - так хочется крикнуть мне вам на прощанье, мои друзья.

Ваше искусство живописи и графики так же, как и мое искусство кино, ведь подлинно интернационально, и мне хочется, чтобы в а ш и м г о л о с о м были сказаны слова о той новой Турции, которую мы еще так мало знаем, но которую так хотим знать.

Шлю вам свой самый искренний товарищеский привет.

Сергей Эйзенштейн